

АНГЛИЯ

КЕН РАССЕЛ — ЭНЦИКЛОПЕДИСТ И МАСТЕР ЭПАТАЖА, УНИКАЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК И ВОЗМУТИТЕЛЬ СПОКОЙСТВИЯ. ПРОРОК ИЛИ ЧЕРТ ИЗ ТИХОГО ОМУТА ДОВОЙ СТАРОЙ АНГЛИИ, ОБИТЕЛИ ТРАДИЦИЙ И БЛАГОПРИСТОЙНОСТИ.

Кен Рассел

Ну это, конечно, ради красного словца — про черта и про омут. Но все же: разве доярая старая Англия не казалась нам всегда чем-то вроде земли обетованной, где в избытке то, чего так не хватает нам самим — вселивой доброжелательности, сдержанности, уважения к традициям... Между тем, человеческая природа везде одинакова, и нельзя до бесконечности ее сдерживать. Время от времени темперамент прорывается, и тем сильнее, чем суровее он сдерживается. Вспомним, хотя бы, болельщика «Ливерпуля», устроивших поножовщину на стадионе «Эйзель». Многие английские писатели размышляли на эту тему — например, Д.-Г. Лоуренс, к творчеству которого дважды обращался Кен Рассел, большой мастер по части возмущения общественного спокойствия. Да и сам Рассел как режиссер появился на сцене волны «рассерженных молодых людей» — интеллектуалов, дерзко взбунтовавшихся против традиционных устоев и в жизни, и в искусстве. Расселу оказался неинтересным их горячий социальный пафос. Ему важен сам человек, личность, которая в любые времена, в любых условиях испытывает давление среды и которая интересна как раз тем, каким способом ей сопротивляться. Картина «Томми», снятая в 1975 г., уже на вершине карьеры, стала чем-то вроде эпитафии ко всему творчеству Рассела. Это фильм-опера — эмблема эпохи молодежных бунтов 60-х годов, который режиссер закончил аршей заглавного героя «Я свободен». Свободен-то свободен, внутренне, в помыслах, зато что ни поступок — то и расплата, в зависимости от расположения все того же общества, которое, захочет — будет на руках носить, а захочет — выбросит на свалку. И потому — ну его к черту, общество, давайте заглянем поглубже в душу, лучше всего — в чужую, которая всегда — потемки.

Вот выбор источников вдохновения Кена Рассела: «Влюбленные женщины» Лоуренса — эротический роман о любви вчетвером; «Радуга» того же Лоуренса с ее мотивами не только безудержного свободолюбия, но и лесбийской любви. Или страсть молодого художника Анри Годье к женщине, годящейся ему в матери («Дикий мессия»); запретная любовь настоя-

• Плавает в фильме «Шлюха».
• Кадр из фильма «Томми»

тельницы французского монастыря к священнику («Дьяволы»); история создания романа Мэри Шелли «Франкенштейн» в доме, где собрались люди, соединенные незаконными любовными узлами («Готика»).

Одержимый неукротимым порывом вывернуть наизнанку любой авторитет, переставить местами все моральные ценности, Рассел с каким-то сладострастным упоением вторгается в святая святых национальных культурных сокровищниц и ведет себя там с безоглядной бескомпромиссностью неоварвара. Он ставит фильмы о русском композиторе Петре Чайковском («Любители музыки») и американском актере: немом кино Рудольфо Валентино так, что патриоты по обе стороны океана чувствуют себя оскорбленными. (Французы вспоминают по этому поводу кардинала Ришелье в «Дьяволах»). Он делает Ференца Листа первым рок-музыкантом и отдает эту роль Роджеру Долтри из группы «Ху». А палу римского в

«Листомании» играет у него Ринго Старр.

Только ли ради эпатажа выворачивает Рассел наизнанку души великих, добравшись до самых темных и потаенных уголков, сталкивает самое, казалось бы, несовместимое — творческий порыв и физиологическую грязь? Конечно, и ради эпатажа тоже. Но еще и потому, что его влечет масштаб личности, которой тесно в рамках скудной нормы, его интригует предельное выражение самости — вплоть до совпадения гениальности и безумия.

Излюбленный жанр Рассела — биография. Но его не заботит соблюдение исторической точности. Конечно, не потому, что он плохо ориентируется в литературе, живописи или музыке, напротив, его культурный багаж поражает воображение, он энциклопедичен как титан Возрождения. Сознательно путает даты и факты самые известные, будто провоцируя умника-зрителя уличить его в неточности. Вот, например, «Последний танец Саломеи»: история постановки запрещенной пьесы Оскара Уайльда в лондонском борделе силами жрицы любви и их гостей. Здесь все неправильно — и дата постановки, и арест автора пьесы, произошедший не там, не тогда и не за то (по фильму — за убийство исполнительницы заглавной роли, по жизни — за оскорбление общественной нравственности). Все это известно даже среднему английскому зрителю. И пока он оталекает на мелочи, главное может и не заметить — а именно то, что отсекающиеся головы пророка Иоанна Крестителя в награду за танец обольстительной Саломеи на пиру Ирода — парафраз на тему судьбы самого Оскара Уайльда. Нет пророка в своем отечестве...

Не менее решительно разделался Рассел и с «Радугой» Лоуренса, этим четвертым романом писателя, запрещенным цензурой, после чего тот покинул родину и уехал умирать в Италию. Рассел обрубил все побочные линии, сфокусировал внимание на главной героине — Урсуре (Сэмми Дэвис), сделав ее средоточием навязчивых идей самого Лоуренса. К.-Г. Юнг, психоаналитик, считал, что душа человеческая двойственна: она имеет свою тень, у мужчины — в женской ипостаси (анима), у женщины — в мужской (анимус). Урсула у Рассела — анима Лоуренса.

И вообще режиссера занимает возможность разного, вариантного состояния души. В фильме «Другие ипостаси» он проводит своего героя гарвардского ученого Эдди Джессупа (Уильям Херт), через серию фантастических превращений вплоть до существования в виде бесформенного плазмоида на грани аннигиляции. Обратим, однако, внимание на то, что спасение приходит от любящей женщины, готовой на самопожертвование.

В сущности, и «Готика» — эксперимент в области возможностей человеческого сознания, в данном случае, подстегнутого наркотиками; это своеобразная психоделическая фантазия, оживляющая адские видения Иеронима Босха и сюрреалистические пейзажи Сальвадора Дали, эротические грезы Макса Эрнста. И одновременно это — снарядная пародия на «сай-фай» — жанр научной фантастики в духе «Чужого».

«Готика» густо населена демонами — в образах реальных персонажей (лорд Байрон, доктор Полидори) и иллюзорных, рожденных воображением участников ночной оргии на вилле Дюрдати на берегу Женевского озера. Демонизм пронизывает каждую ленту Рассела, придавая его киномиру пряный аромат жути, эротики и легкой пародийности — ибо кто нынче всерьез верит в демонов?

Рассел терпеть не может прото-решных дорог. В творчестве Брэма Стокера, автора «Дракулы», он выбрал самую неудачную вещь — «Логово белого червя», ему зачем-то понадобилось доказать, что отличную идею, которую писателю не удалось как следует реализовать, можно образцово воплотить на экране. Вряд ли это получилось у него в полной мере, но во всяком случае один эпизод оправдывает всю постановку: леди-вампир Сильвия Марш (Аманда Донохью) топит в пенной ванне бойскаута носком своего узкого черного ботинка. Тут одной символики на объемистую психоаналитическую статью, а маэстро, конечно, лукавит: каждому приятно почувствовать себя тонким и догадливым зрителем.

Яростный напор и эпатажность молодого Рассела, неспровергаемая авторитетом, с годами потихоньку сменяются умудренной снисходительностью — и к героям, и к зрителям. И все большее в его фильмах скрытого (английского, что ли?)

• «Томми».
• «Готика».
• «Логово белого червя».

юмора. Таков и его «производственный роман» «Шлюха» (по повести бывшего лондонского таксиста Дэвида Хайнса). Это тоже реальная биография простой английской девушки из бедной семьи, вынужденной торговать своим телом. Такую историю могла бы рассказать о себе любая проститутка. Рассел излагает ее с мнимой серьезностью в псевдо-документальной манере «снимавсеритес», так сказать, «прямого кино», будто не сочиненного, а подсмотренного прямо на улице. Но по сути это ироническое обыгрывание остросоциального пафоса кинематографа 60-х, времени его молодости, когда очень любил показывать на экране бедных и обездоленных, вызывая к ним участливое сострадание. А Рассел не бьет на жалость и сам не испытывает сочувствия к бедной Лиз: работа есть работа. И потому: разве ей хуже, чем скажем, любому художнику из тех, о ком он, Рассел, успел повздать с экраном?

— Те же унижения, тот же ужасный разрыв между необходимостью угождать клиенту и желанием остаться самим собой. В общем, почти по Некрасову: «и музе я сказал: гляди, сестра твоя родная»...

Лукавит маэстро.